

Рогинский Я.Я. Теории моноцентризма и полицентризма в проблеме происхождения современного человека и его рас. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1949. – 155 с.

Сунгирь: Антропологическое исследование. – М.: Наука, 1984. – 215 с.

Хрисанфова Е.Н. Скелет верхнепалеолитического человека из Сунгиря // Вопр. антропологии. – 1980. – Вып. 64. – С. 40 – 68.

Adcock G.J., Dennis E.S., Easteal S., Huttley G.A., Jermin L.S., Peacock W.J., Thorne A.G. Mitochondrial DNA sequences in ancient Australians: Implications for modern human origins // *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. – 2001. – Vol. 98. – 16 January. – P. 537 – 542.

Brace C.L., Tracer D.P. Craniofacial continuity and change: A comparison of Late Pleistocene and recent Europe and Asia // *The Evolution and Dispersal of Modern Humans in Asia* / Eds. T. Akazawa, K. Aoki, T. Kimura. – Tokyo: Hokusen-sha, 1992. – P. 439 – 471.

Corruccini R.R. Metrical reconsideration of the Skhul IV and IX and Border Cave 1 crania in the context of modern human origins // *American Journal of Physical Anthropology*. – 1992. – Vol. 87, N 4. – P. 433 – 445.

Eswaran V. A diffusion wave out of Africa: The mechanism of the modern human revolution? // *Current Anthropology*. – 2002. – Vol. 43, N 5. – P. 749 – 774.

Fraye D.W. The persistence of Neandertal features in post-Neandertal Europeans // *Continuity or Replacement? Controversies in Homo Sapiens Evolution* / Eds. G. Bräuer, F.H. Smith. – Rotterdam: Balkema, 1992. – P. 179 – 188.

Fraye D.W., Wolpoff M.H. The Neandertal transition: A case for sex differences in evolutionary rates // *Antropologia contemporanea*. – 1984. – Vol. 7, N 2. – P. 100.

Homo sungirensis: Верхнепалеолитический человек: Экологические и эволюционные аспекты исследования. – М.: Научный мир, 2000. – 460 с.

Howells W.W. Modern and Late Pleistocene cranial profiles // *Bulletins et Mémoires de la Société d'Anthropologie de Paris*. Sér. 13. – 1982. – Vol. 9, N 4. – P. 333 – 337.

Jacobs K. Evolution in the postcranial skeleton of late glacial and early postglacial European hominids // *Zeitschrift für Morphologie und Anthropologie*. – 1985. – Bd. 75, N 3. – S. 307 – 326.

Smith F.H., Falsetti A.B., Donnelly S.M. Modern human origins // *Yearbook of Physical Anthropology*. – 1989. – Vol. 32. – P. 35 – 68.

Stringer C.B. The origin of early modern humans: A comparison of the European and non-European evidence // *The Human Revolution: Behavioural and Biological Perspectives in the Origins of Modern Humans* / Eds. P. Mellars, C. Stringer. – Princeton: Princeton University Press, 1990. – P. 232 – 244.

Trinkaus E., Milota S., Rodrigo R., Gherase M., Moldovan O. Early human cranial remains from the Peștera cu Oase, Romania // *Journal of Human Evolution*. – 2003. – Vol. 45. – P. 245 – 253.

Trinkaus E., Moldovan O., Milota S., Bîlgăr A., Sarcina L., Athreya S., Bailey S.E., Rodrigo R., Gherase M., Higham T., Bronk Ramsay C., van der Plicht J. An early modern human from the Peștera cu Oase, Romania // *Proceedings of the National Academy of Sciences of USA*. – 2003. – Vol. 100. – 30 September. – P. 11231 – 11236.

White T.D., Asfaw B., Degusta D., Gilbert H., Richards G.D., Suwa G., Howell F.C. Pleistocene *Homo sapiens* from Middle Awash, Ethiopia // *Nature*. – 2003. – 12 June. – P. 742 – 747.

Williams S.R., Chagnon N.A., Spielman R.S. Nuclear and mitochondrial genetic variation in the Yanomamo: A test case for ancient DNA studies of prehistoric populations // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2002. – Vol. 117, N 3. – P. 246 – 259.

Wolpoff M.H. The place of the Neandertals in human evolution // *The Emergence of Modern Humans* / Ed. by E. Trinkaus. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – P. 97 – 141.

Материал поступил в редколлегию 20.01.04 г.

ДРЕВНИЕ СТЕЛЫ И ИЗВАЯНИЯ В ОБРЯДАХ И СУЕВЕРИЯХ НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Введение

В настоящее время на азиатских просторах степей и в горных долинах (рис. 1) сохранилось более 4 тыс. памятников монументального искусства, принадлежащих к разным эпохам, – от энеолита до позднего средневековья. Они представлены древнейшими стелами с чашечными углублениями и редкими изображениями животных [Кызласов, 1986; Кубарев В.Д., 1986, 2000; Молодин, Погожева, 1989], антропоморфными стелами и изваяниями эпохи бронзы [Вадецкая, 1967, 1980; Могильников, 1980; Кубарев В.Д., 1988; Ковалев, 1998], оленными камнями [Окладников, 1954; Членова, 1962; Кызласов, 1986; Кубарев В.Д., 1979; Волков, 1981, 2002; Савинов, 1994; Килуновская, Семенов, 1998], древнетюркской скульптурой [Евтюхова, 1952; Грач, 1955, 1961; Кызласов, 1969; Вайнштейн, 1974; Кубарев В.Д., 1984, 1997; Байэр, 1994; Баяр, Эрдэнэбаатар, 1999], изваяниями монгольского [Баяр, 1997] и этнографического [Дьяконова, 1975; Маточкин, 2001] времени. Имеются также необработанные стелы и менгиры, установленные в курганных могильниках, устьях многочисленных рек, на перекрестках главных дорог и троп кочевников (рис. 2), перевалах и у подножия считавшихся священными в древности гор.

Археологические материалы и этнографические данные

Традиция почитания отдельных, наиболее выразительных в художественном отношении монументальных памятников, несомненно, зародилась уже в глубокой

древности. Исследователи отмечают особое отношение многих азиатских народов к древним мегалитам, стелам и изваяниям, в которых люди часто видят нечто таинственное и необъяснимое. Поэтому, например, у алтайцев, тувинцев и монголов суеверия и обряды, связанные с древними святынями, весьма разнообразны.

Древнейший культ алтайских мегалитов III – II тыс. до н.э., найденных в долинах рек Теньги и Каракола у сел Талда и Иня, выражался в нанесении на них чашечных углублений – древнейших символов плодородия. Среди этих памятников следует выделить уникальную надгробную стелу, найденную в долине р. Теньги у пос. Озерное (рис. 3). Ее неординарность заключается в том, что фигуры быков и оленей выбиты в невысоком барельефе [Кубарев В.Д., 1988, с. 86, рис. 69; 2000, с. 18, рис. 2, д; Молодин, Погожева, 1989, с. 169, рис. 2]*. В такой же стилистической манере и технике выполнены изображения быков на плите, найденной на г. Хайрыкан в долине р. Улатай (Тува). Объемность фигур достигнута древним мастером “посредством понижения фона путем сплошной выбивки, с последующей подшлифовкой” [Дэвлет, 1998, с. 165]. Сходство двух монументальных памятников, датируемых ранним бронзовым веком, усиливается благодаря одинаковой ориентации рисунков на плоскости плит и тщательной проработке таких деталей изображений, как рога, голова, глаза, уши, ноздри, копыта. Возможно, хайрыканская плита, найденная на вершине горы, каким-то образом

* В настоящее время стела экспонируется в фойе Института археологии и этнографии СО РАН.

Рис. 1. Курайская котловина Алтая, в которой найдены многочисленные памятники монументального искусства.

Рис. 2. Стела эпохи ранней бронзы.
Долина р. Барбургазы. Алтай.

Рис. 3. Стела эпохи ранней бронзы.
Долина р. Теньги. Алтай.

Рис. 4. Предметы, найденные у основания стелы эпохи ранней бронзы.
1 – галька фаллической формы; 2 – кристалл черного хрусталя;
3 – 5 – каменные песты. Долина р. Юстыд. Алтай.

Рис. 5. Стела эпохи ранней бронзы, переформленная в оленый камень. Долина р. Юстыд. Алтай.

была связана с древним культом гор, а изображения быков могли замещать реальных животных, приносившихся в жертву горным духам или богам. Теньгинские быки показаны привязанными к столбу и, очевидно, олицетворяют животных, подготовленных к древнему обряду жертвоприношения.

Оригинальными следует назвать каменные орудия и другие символические предметы (рис. 4), обнаруженные у основания огромной стелы ранней бронзы, которая была переформлена в оленый камень (рис. 5). Продолговатые гальки фаллической формы найдены Л.Р. Кызласовым и у подножия известного в Хакасии энеолитического изваяния Улуг-Хуртуяг-тас (Большая каменная старуха). Эта каменная фигура, по мнению исследователя, “почиталась хакасами, преж-

де всего из-за мнимой ее магической силы избавлять от бесплодия женщин” [Кызласов, 1986, с. 129]. Но, возможно, фаллические гальки у основания почитаемого в Хакасии изваяния были жертвованы во время проведения древнейшего обряда плодородия, близкого по сценарию к ритуалу, некогда происходившему у мегалитических стел и оленных камней на Алтае, в Казахстане и Монголии [Кубарев В.Д., 1979, с. 92 – 93; Маргулан, 1979, с. 281; Волков, 1981, с. 80]. У таких монументов, установленных в древних родовых и племенных святилищах, вероятно, на протяжении многих столетий устраивались праздники и моления, посвященные универсальному культу плодородия.

Одиноко стоящие стелы и даже целые их ряды у древних могил предков, по воззрениям древних и современных народов, вероятно, более всего подходили для “вселения” в них душ своих умерших сородичей. Не исключено, что древние памятники использовались для ритуальных целей без разрушения или переоформления их конструкций. Достаточно было поднести жертвенные предметы к основанию стелы в оградке, чтобы считать правило обряда выполненным. Такой комплект железных изделий (VIII – IX вв.) обнаружен с южной стороны “раннескифской” стелы, установленной в центре оградки, раскопанной в долине р. Талдуры (Российский Алтай).

Иногда для сооружения стенок оградок тюрки использовали оленные камни и мегалитические стелы, находящиеся рядом с местом сооружения мемориала [Кубарев В.Д., 1988, с. 88 – 90, рис. 72, 73]. В ходе раскопок подобной оградки, сложенной из четырех оленных камней (местность Шан Тэнэрин тал, Монголия), удалось выявить остатки центрального и углового деревянных столбов, а также несколько позвонков теленка [Волков, 1981, с. 26, 143, табл. 20, 1, 3]. Древнетюркская ограда (размеры 7 × 7 м), обследованная нами в 1998 г. на правом берегу р. Могой (Монгольский Алтай), была заполнена кварцитовыми гальками, а ее стенки сложены из огромных каменных блоков – древних стел (?). На ее восточной стенке на одном из трех камней сохранились изображения серьги и чекана, характерные для оленных камней. Еще один оленный камень с главными символами (три косые линии, серьга и пояс) установлен снаружи восточной стенки этой же оградки. На восток от него отходит ряд из 20 балбалов, каждый высотой не более 0,5 м.

Древние тюрки также часто использовали более древние “поминальные” (?) оградки раннего железного века и дополняли их изваяниями, балбалами и кольцевидными выкладками из камней. Подобные памятники известны на Алтае и в Монголии. Изваяния, стоявшие в центре оградок, открыты нами в долинах рек Аргут, Коксу (Алтай) и окрестностях г. Баян-Олгий (Монголия) [Кубарев В.Д., 1984, с. 206, изв. 165;

с. 210, изв. 188; 1997, с. 143, 179]. Они выполнены на ранних стелах, датируемых эпохой бронзы или ранним железным веком. О вторичном использовании стел свидетельствуют небольшие размеры и прямоугольная форма оградок, ориентация стел гранями по сторонам света и нанесенные на них только основные детали лица. Раскопки подобных оградок с “лицевыми” изваяниями на Алтае в степи Макажан и в логу Чадыр, как и исследование более десяти оградок с центральными стелами в долинах рек Юстыд, Барбургазы [Кубарев В.Д., 1979, с. 32 – 33], не дали никаких материалов. Об использовании древних стел для создания изваяний нам уже приходилось писать, но в этой связи хочется еще раз обратить внимание коллег на Чадырский комплекс, включающий три невысокие стелы внутри небольших оградок раннескифского времени, которые были переоформлены в древнетюркские изваяния. На широких гранях этих стел, обращенных на восток, выбиты человеческие личины, сам ритуал поминовения совершался в специально сооруженных оградках в 100 м на восток от изваяний [Кубарев В.Д., 1984, с. 21, 225, табл. XLVI]. Примеры вторичной обработки древними тюрками энеолитических стел и оленных камней, превращенных позже в изваяния, зафиксированы и в других регионах Центральной Азии [Грач, 1961, с. 40; Кубарев В.Д., 1984, с. 183, изв. 28, 29; с. 194, изв. 97; с. 218, изв. 223; с. 224, изв. 236, 243; 1997, с. 143, 179; 2000, с. 104 – 106; Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 2000, с. 51; и др.].

Все народы Центральной Азии считали древние могильники и кладбища этнографического времени заповедными обителями духов предков. Обычно один раз в году в местах погребений устраивались специальные жертвоприношения в память о давно умерших предках. Алтайцы и тувинцы оставляли пищу и напитки не только на могилах, но и в местах поминок по своим сородичам. Рядом с поминальным костром они выкапывали небольшую ямку, которая называется *jer айак* – земляная чашка. В нее всегда клали понемногу разной пищи, а также выколачивали набитые табак трубки. Все это предназначалось для души умершего [Шатинова, 1981, с. 101]. Традиционный погребально-поминальный обряд саяно-алтайские народы, несомненно, унаследовали от своих тюркоязычных предков. Об этом свидетельствуют материалы археологических раскопок древнетюркских поминальных сооружений с изваяниями (рис. 6). В высокогорных районах Алтая в долинах рек Коксу, Бугузун, Юстыд и Аргут у основания каменных фигур древнетюркских воинов нами были обнаружены серебряные (рис. 7) и керамические сосуды (рис. 8, 9). Они, несомненно, использовались для жертвенных приношений и возлияний при совершении поминок [Кубарев В.Д., 1984, с. 71 – 75]. Серебряная посуда, как наиболее ценная, находилась в неглубоких ямках, а керамические гор-

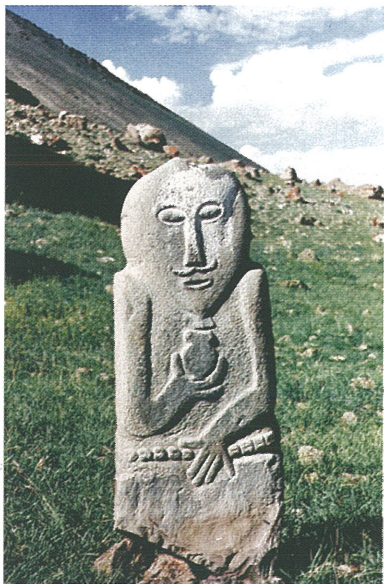

Рис. 6. Древнетюркское каменное изваяние VIII – IX вв. Долина р. Барбургазы. Алтай.

Рис. 7. Серебряный сосуд, вкопанный у основания каменного изваяния. Долина р. Юстыд. Алтай.

Рис. 8. Керамический сосуд, найденный у древнетюркского изваяния. Долина р. Юстыд. Алтай.

Рис. 9. Керамический сосуд, найденный у древнетюркского изваяния. Долина р. Коксу. Алтай.

шки и кувшины стояли прямо на древней поверхности. Прошло более тысячи лет, пока они полностью покрылись землей. Поражает сохранность, своего рода священная неприкосновенность этих сосудов. Это может быть объяснено особым почитанием или даже страхом древних тюрок к местам погребений и поминок. “Никто из местных жителей, – отмечает В.П. Дьяконова, – не притрагивался к этим (жертвенным) предметам, и вообще данного места боялись и к нему, кроме как для проводов умершего, не подходили” [1975, с. 67].

В древнетюркском обряде поминовения, который совершался у каменного изваяния или антропоморфной стелы, замещавшей человека, в качестве главно-

го жертвенного животного использовали коня. Согласно традиции, у древних монголов и тюрок мясо коня съедали сородичи за упокой души умершего, а голову и шкуру вывешивали на шесте рядом с могилой или местом совершения поминального пиршества [Викторова, 1980, с. 28; Кубарев В.Д., 1984, рис. 16].

В.А. Казакевич, посвятивший одно из своих исследований “намогильным статуям” Дариганги (Восточная Монголия), достаточно подробно описал верования и обряды, связанные с “чудодейственной силой” отдельных изваяний монгольского времени [1930]. Вот некоторые его наблюдения: изв. 1 у ручья Баингол – “Рот и чаша вымазаны жиром, так как статуя

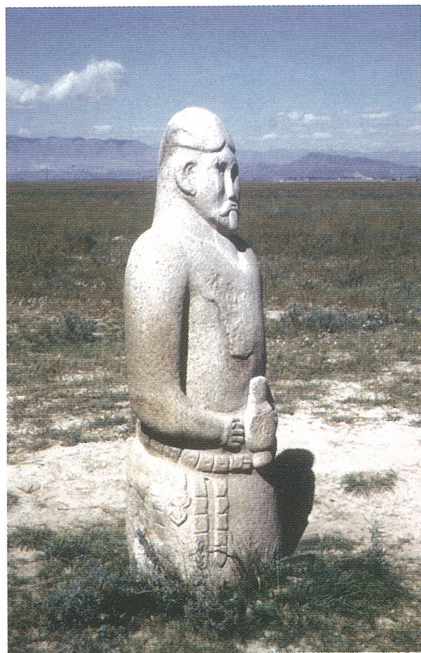

Рис. 10. Изваяние древнего тюрка “Чингисхан”. Тува.

является предметом поклонения местных жителей, страдающих бесплодием” [Там же, с. 3]; изв. 3 из урочища Сумтийн-барун-дэль – “Вокруг шеи статуи обвязан пучок конского волоса, выемка бокала наполнена мелкими жертвоприношениями, так как статуе поклоняются... Перед статуей – большой плоский камень, подпертый другими маленькими и имеющий значение жертвенного столика”; изв. 4 у подножия горы Алтан-обо или Дари-обо – «Перед статуей поставлен высеченный из розового гранита небольшой жертвенный столик китайской работы, на котором расположены жертвоприношения в виде нескольких камней, пучков конского волоса, обрывков “хадаков” (шелковых шарфов) и кусочков молочных продуктов. Вокруг.. тропинка, проложенная ногами поклоняющихся, совершающих здесь свои круговращения» [Там же, с. 5]; изв. 5 у горы Алтан-обо – “Лицо, руки и бокал темного цвета от прикладываний верующих. Статуя является одной из главных святынь хошуна Дариганга, материальным олицетворением покровителя хошуна *Цагаан-нојјѳ* (Белый князь, вождь), обитающего на вершине горы Алтан-обо. Считается, что поклонение ей способствует деторождению” [Там же, с. 8]; изв. 15 в степи к северо-востоку от горок Гухуль – “Статуя почитается местными охотниками на сурка (гарбагана), как приносящая счастье” [Там же, с. 14]. В.А. Казакевич также отметил, что в Халхе очень развито почитание предметов, не имеющих никакого отношения к буддийскому культу, особенно развалин древних храмов, статуй или писаниц [Там же, с. 57].

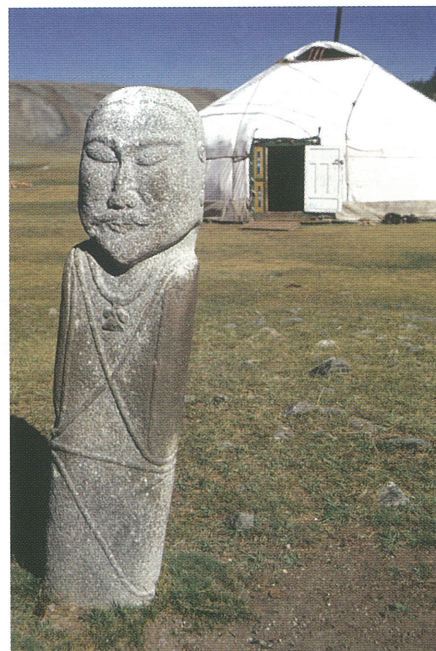

Рис. 11. Изваяние древнего тюрка “Даян-батыр”. Монголия.

В Монголии в местности Диваджин-газар было известно каменное изваяние, считавшееся воплощением Даян-Дерхе – шамана-батыра, побежденного Чингисханом и превратившегося в камень. “Все информаторы описывают изваяние приблизительно одинаково: это был камень высотой в человеческий рост без каких-либо антропоморфных признаков. Легенда, приведенная Г.Н. Потаниным, гласит, что камень этот когда-то лежал на земле, потом сам собою стал подниматься, пока, наконец, не стал вертикально. Обернутый в шелк, он приобретал сходство с человеческой фигурой. Перед ним ставились разного рода жертвы, а ткань ежегодно обновлялась в день совершения служб в честь Даян-Дерхе – 10 июля. В этот день в монастыре ламы устраивали специальную службу” [Галданова, Жуковская, Очирова, 1987, с. 54]. Шаманские камлания в память о Даян-Дерхэ совершались в тот же день, но уже в пещере, расположенной недалеко от монастыря [Там же, с. 54].

Классическим и ярким примером почитания каменных изваяний является знаменитая статуя “Чингисхан” в Барлыкской степи, у современного тувинского пос. Кызыл-Мажалык, подробно описанная А.В. Адриановым (рис. 10). Собственные имена имеют и наиболее известные древнетюркские изваяния: на Алтае это “Акташ”, “Кезер”, в Монголии – “Даян-батыр” (рис. 11), “Увшай”, “Ловх”, “Лам-чулуу” и т.д. С каждым из них связаны легенды и суеверия, а у отдельных фигур совершаются шаманско-ламаистские обряды. До сегодняшнего дня эти изваяния остаются объектами почитания и поклонения, о чем свидетельствуют

следы скромных жертвоприношений и небольшие обо, сооруженные рядом с ними. В качестве символической жертвы люди использовали обычные камни или гальки, заранее поднятые на берегу реки или у подножия холма. Часто эти камни выделяются необычной формой или цветом. Перед многими изваяниями и в поминальных оградках Алтая и Монголии возвышаются небольшие обо, сложенные только из белых кварцитовых камней. Как известно, у кочевников Центральной Азии белый и голубой цвета являются символами неба и священной первозданной чистоты. На территории Монголии особенно высокие и большие обо из белых валунов и мелкой гальки сооружены у некоторых реалистично выполненных древнетюркских изваяний. Участники Советско-Монгольской историко-культурной экспедиции в 1965 г. на пути из Арвайхэра в пустыню Гоби обнаружили очень выразительное каменное изваяние благодаря приметному издали высокому обо. Среди камней были видны “разнообразные приношения: лепешки, зерна риса и пшеницы, медные деньги и стеклянные банки. Глубоко в насыпь уходят деревянные шесты. На них привязаны длинные бумажные ленты с текстами молитв, клочки разноцветной материи, пучки конского волоса и верблюжьей шерсти. Ветер треплет самодельные флажки, настраивая на торжественный лад” [Ларичев, 1968, с. 228].

При изучении различных археологических памятников Монголии нам удалось получить некоторые сведения, по которым можно судить о сохранении традиции почитания и культа наиболее реалистичски выполненных каменных фигур. Мы обследовали знаменитое древнетюркское изваяние у оз. Даян-Нуур, опубликованное более 100 лет назад Г.Н. Потаниным [1881, с. 72 – 73]. Ему и сегодня продолжают поклоняться несколько семей монгольских тувинцев. Конечно, от описанного сибирским ученым деревянного сооружения, возведенного над “Даян-батыром”, не осталось даже следов, но глубоко впитавшиеся остатки жира или масла на губах и правом плече статуи свидетельствуют о длительном почитании и обряде “кормления” каменной фигуры (см. рис. 11). Еще одна характерная особенность – отчетливые следы красной краски на губах изваяния “Даян-батыра”, которая была нанесена, очевидно, в более позднее время [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 2000, с. 52 – 55]. Не исключено, что и Г.Н. Потанин еще столетие назад мог наблюдать отражение подобного обычая – у привезенного им в Томский университет миниатюрного изваяния были накрашены красной краской губы, а брови выделены черным красителем (рис. 12). Данная фигура, возможно, изначально находилась на пограничной с Китаем территории. Еще на одном изваянии из долины р. Сагсай красная краска покрывала все лицо, особенно хорошо она сохранилась

на губах и щеках [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 2002, рис. 5]. В наши дни в Монголии отмечена и другая особенность обряда, описанная Г.И. Потаниным, – повязывание пояса или платка (*хадака*) на почитаемое изваяние. Два платка – белый и голубой – были завязаны на шее каменной фигуры (рис. 13), обследованной нами в 1994 г. на правом берегу р. Северная Тель близ г. Улангома [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 1995, изв. 6]. Десятки голубых и белых лоскутов материи завязаны на шее особо почитаемых изваяний из Ингэт толгойн, Онготийн дурсгал и Ондорхааны [Монгол нутаг..., 1999, с. 106, 114 – 115].

При обследовании долины р. Могой в Монгольском Алтае, где известно более 100 поминальных оградок и шесть древнетюркских изваяний [Кубарев В.Д., Цэвээндорж, 2002, с. 91], на современном казахском кладбище каменная фигура древнего тюрка (рис. 14) закрывала вход в семейную усыпальницу. Такая нетрадиционная черта погребального обряда у казахов встречена впервые. Обычно вход в ограду, окружающую могилы, закрывался огромной плитой, а в наше время на многих кладбищах он, как и в юрте, имеет двустворчатые двери.

В Монголии и Туве у каменных изваяний и стел нередко проходили моления с участием шаманов и лам. Здесь приносились обязательные жертвоприношения, о чем упоминается в этнографических источниках и археологических исследованиях, посвященных древнетюркским мемориальным комплексам. В Монголии Б.Б. Бамбаев “в местности Дзун-Сур нашел... погребение с одной каменной бабой, сидящей в гробнице, которая, по словам местного населения, призывается урянхайскими и ойротскими шаманами во время их камлания...” (цит. по: [Войтов, 1986, с. 79]). По мнению обследовавшего этот мемориальный памятник В.Е. Войтова, каменная статуя издавна почиталась как местная святыня. В пользу такого вывода свидетельствует и буддийская надпись на одной из плит соседнего каменного ящика-оградки [Там же]. При раскопках у подножия изваяния в Эрдэнэмандале В.Е. Войтов нашел одну маньчжурскую и несколько современных монет [Там же]. Старинные монеты на коленях мраморной фигуры Бильге-кагана (рис. 15) мы видели в 1973 г., когда обследовали поминальный комплекс.

В древнетюркских поминальных сооружениях Алтая изредка встречаются впускные погребения этнографического времени. Надо полагать, что захоронения в средневековых мемориалах богатые алтайцы делали сознательно, чтобы подчеркнуть свое родство с тюркоязычными предками. Мы исследовали могилы теленгитов с многочисленными предметами и ювелирными украшениями в насыпи самого грандиозного поминального комплекса на Алтае в местности Ян-Гобо. В одной из малых оградок мемориала

Рис. 12. Древнетюркское изваяние, вывезенное Г.Н. Потаниным из Монгольского Алтая.

Рис. 13. Древнетюркское изваяние, установленное у г. Улангома. Монголия.

Рис. 14. Древнетюркское изваяние, использованное на современном казахском кладбище. Долина р. Могой. Монголия.

Рис. 15. Изваяние сидящего Бильге-кагана. Долина р. Орхон. Монголия.

ла нами были найдены разрозненные останки погребения ребенка в традиционной алтайской колыбели. А.С. Суразаков в одной из оградок могильника Котыр-Тас у с. Кокоря нашел металлическое стремя XIX – начала XX в. [1993, с. 50 – 51], которое, может быть, осталось от разрушенного впускного погребения или было пожертвовано в качестве подношения “духам предков”.

Л.П. Потапов очень основательно и подробно описал обряд, еще совсем недавно происходивший у отдельных тувинских каменных баб (*коже-тагыр*).

Его совершали в редких случаях – когда было необходимо вылечить тяжело больного человека. Такое моление всегда устраивали по совету шамана или ламы, оно требовало подготовки. Необходимо было заранее запастись молочной водкой, заколоть одного или даже нескольких баранов. На моление съезжалось много народу. Перед изваянием из камней выкладывали главную курильницу (*санг-салыр*), в центре которой клали плоский камень (*калбок-таш*). В древней поминальной оградке по сторонам света сооружались четыре дополнительные курильницы-очага. Во всех очагах возжигали можжевельник, его дымом окуривали каменное изваяние и больного, которого подводили или даже клали к подножию статуи. Человек был опоясан веревкой с разноцветными лентами (*чалама*), которая по окончании обряда надевалась на статую, “считалось, что *коже* примет на себя болезнь” [Потапов, 1960, с. 219]. О подобном обряде, называемом *кожээ дагытыры*, кратко упоминает и М.Б. Кенин-Лопсан. Он приводит имена шаманов, имеющих свои изваяния, у которых каждое лето проводится традиционное лечебное камлание [Кенин-Лопсан, 1987, с. 32]. Описанные обряды в общих чертах напоминают реконструированный нами поминальный обряд древних тюрков, посвященный культу предков [Кубарев В.Д., 1997, с. 33 – 34]. В Туве и Монголии также найдены уникальные древнетюркские изваяния, на которых выгравированы сцены поминального пиршества и обряда “коленипреклонения” (рис. 16) [Кубарев В.Д., 1995, табл. I].

Археологические и этнографические материалы Центральной Азии свидетельствуют не только о почитании каменных фигур, но и о суеверном страхе, который выражался в преднамеренной порче статуй, закапывании в землю или заваливании их кучей камней [Грач, 1955, с. 422 – 423; Вайнштейн, 1974, с. 72; Кубарев В.Д., 1984, с. 78; Марсадолов, 1991, с. 55; Цэвээндорж, Кубарев Г.В., 2000, с. 199; и др.].

Интерес вызывает вопрос: сохранилась ли у алтайцев и тувинцев – прямых потомков и наследников духовной культуры древних тюрков – традиция установки изваяний? Как предполагается, самые поздние изваяния, например, в Туве: “относятся к X, а возможно, и к XI в.” [Вайнштейн, 1974, с. 67]; на Алтае – к X – XII или даже к XIV в. [Кубарев В.Д., 1984, с. 46]. Археологические данные о сохранении обычая изготавливать каменные изваяния в более позднее время отсутствуют, но, согласно данным этнографов, изучающих погребальный обряд тувинцев, изваяние умершего делали якобы только в исключительных случаях. Об этом в конце XIX в. Н.Ф. Катанов писал: “...если покойник пользовался уважением народа, то возле него ставится его изображение, вытесанное из камня или вырезанное из дерева” (цит. по: [Кызласову, 1969, с. 43]). Пока каменные или деревянные изваяния этнографического времени в Центральной Азии не найдены. Однако память об установке изображений умершим предкам “сохранилась у тувинцев до наших дней. Мне дважды пришлось слышать от стариков, что это были маленькие фигурки, ставившиеся на вершинах гор” [Там же]. Имеются и другие этнографические данные о традиции тувинцев ставить на могилах антропоморфные стелы (*кожээ таи*), изображающие умерших [Дьяконова, 1975, с. 56]. Следует отметить, что на Алтае в долине высокогорной р. Елангаш в погребении женщины с разнообразным и богатым погребальным инвентарем, датируемым началом XX в., мною была найдена примитивно выполненная на обрубе ствола лиственницы фигура человека высотой 75 см. Интерпретация Е.М. Тошачковой находки как покровителя охотников Кан-Сарая [1978, с. 132] вызывает сомнение прежде всего потому, что деревянный “идол” был найден в женском погребении. Поэтому можно предложить иную семантику редкой находки из Елангаша: изображение могло служить культовым вместилищем духа-души умершей женщины или замещать ее при проведении погребального и поминального обрядов. С.И. Вайнштейн не случайно сравнивал деревянные фигурки женщин из тувинского могильника Кокэль, датируемые первыми веками новой эры, с традиционной скульптурой народов Сибири и полагал, что фигурки женщин из древних могил также могли быть вместилищами женских душ [1974, с. 39]. Такое сравне-

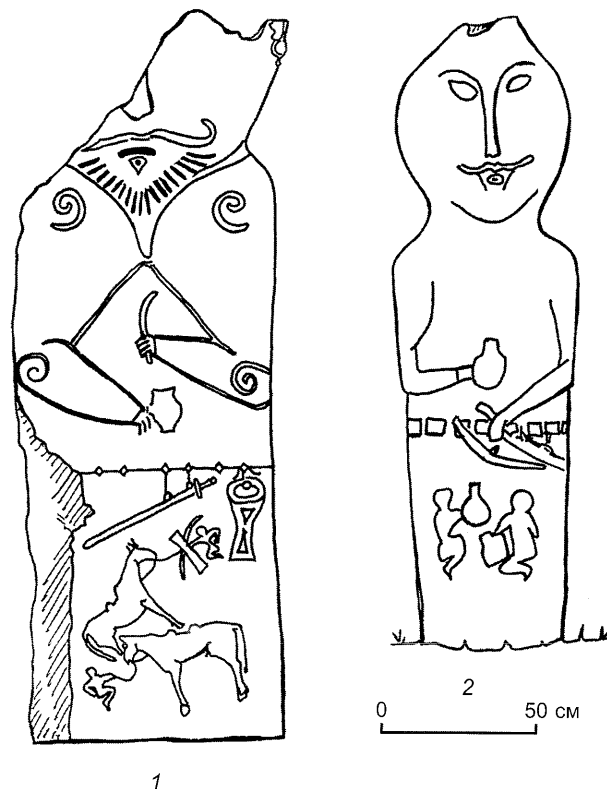

Рис. 16. Прорисовка сцен поминального пиршества и обряда “коленипреклонения”, выгравированных на изваяниях в Монголии (1) и Туве (2).
1 – р. Хар-Яма, 2 – р. Каргы.

ние следует считать обоснованным, т.к. вполне реальным представляется сохранение в течение многих веков у тюркоязычных народов Саяно-Алтая архаичных, шаманистских в своей основе, воззрений на жизнь и смерть.

Заключение

Сохранившиеся с глубокой древности каменные стелы и изваяния, как, впрочем, и другие исторические памятники, служили постоянными объектами почитания аборигенных народов Центральной Азии. Культ отдельных статуй и даже необработанных камней особенно широко был распространен в Монголии и Туве. На Алтае традиция почитания (поклонения) памятников старины в настоящее время почти предана забвению, наверное, из-за плохой сохранности многих древних монументов. Только за последние 30 лет утрачены многие уникальные изваяния, а уже известные и учтенные скульптуры находятся под угрозой полного разрушения. Тем не менее сегодня интерес местного населения к древним раритетам значительно возрос. Возможно, с ним связано развитие современной традиции изготовления деревянных фигур людей.

Рис. 17. Современное изваяние неизвестного “ваятеля”.
Урочище Кор-кечу в долине р. Катунь. Алтай.

Рис. 18. Стелы и оленные камни, установленные у с. Иня.
Долина р. Катунь. Алтай.

Скульптурные изображения алтайских чабанов, на которые впервые обратил внимание искусствовед Е.П. Маточкин [2001, с. 159], как правило, делали из ствола дерева или высокого пня. Они найдены в долинах небольших рек Мойнак, Тегерик-Мыш, Кулагаш, Ороктой. Одно изваяние находилось на перевале Шараш. По сведениям Е.П. Маточкина, почти все фигуры были созданы жителями с. Кучерла Усть-Коксинского р-на. Исследователь установил не только авторов, но и имена тех людей, в память о которых они были изготовлены. В отдельных “статуях” Е.П. Маточкин находит поразительное сходство с более древними тюркскими изваяниями и этнографической скульптурой алтайцев, представленной в основном

антропоморфной пластикой на шаманских бубнах [Иванов, 1979]. Только в Кучерле среди чабанов получила распространение традиция устанавливать современные изваяния, больше ни в одном районе Республики Алтай ничего подобного не наблюдается. Удивительно и то, что в окрестностях Кучерлы не найдено ни одного древнего изваяния, которое могло бы послужить образцом для подражания или копирования современными мастерами. Впрочем, на противоположном берегу Катунь в нескольких километрах от пос. Тюнгур у ручья Тургунда есть целая группа т.н. лицевых изваяний древнетюркской эпохи [Кубарев В.Д., 1984, с. 191]. В 1980-х гг. [Там же, с. 190] и совсем недавно зафиксированы каменные изваяния тюрков у с. Инегень, которые были открыты местным жителем А.В. Бабитовым [Кубарев Г.В. и др., 2002, с. 359, рис. 1]. Для чабанов Кучерлы, конечно же, была доступна и суровая долина р. Аргут, где сосредоточено более 30 каменных изображений тюркских воинов. Таким образом, причины и условия возрождения древней традиции вроде бы понятны и объяснимы. Процесс возрождения получил мощный импульс в результате осознания алтайским народом своей древней истории и самобытной культуры, непреходящей ценности многих исторических памятников. Вместе с тем искреннее желание привлечь внимание людей, прежде всего иностранных туристов, иногда приводит к курьезным случаям. Так, в районе борма Кор-Кечу (Онгудайский р-н) рядом с Чуйским трактом несколько лет назад вдруг появилось новое “древнетюркское изваяние” (рис. 17). Современное произведение неизвестного “ваятеля” следовало бы считать безобидной шуткой, если бы таким “творчеством” не была испорчена древняя стела, простоявшая невредимой около 3 тыс. лет. Кроме того, фотография подделки попала на первую страницу путеводителя по Алтаю, выпущенного в 1999 г. тиражом 8 тыс. экз. при финансовой поддержке иностранных издателей [Алтай, 1999]. Следует отметить, что в создании этого очередного туристического справочника не принимал участия ни один историк или археолог, многие статьи в нем переписаны из опубликованных работ российских ученых. Такое отношение к памятникам древней культуры ведет к профанации исторической науки и делает бесполезной работу специалистов по просвещению.

В урочище Ачик и у с. Иня (Онгудайский р-н) основания каменных монументов, перенесенных из первоначальных мест установки, заключены в постамент из бетона (рис. 18). Такое нововведение применяется и жителями соседней Республики Тыва, которые “время от времени... укрепляют изваяния камнями или кусками досок и бревен” [Леус, 2000, с. 228], пытаясь таким способом предотвратить вывоз памятников. Отдельные тувинские и алтайские изваяния

древних тюрок находятся во многих музеях России, и приходится только сожалеть о том, что они до сих пор не выставлены в республиканском музее в г. Горно-Алтайске. Надеемся, что это недоразумение будет устранено с открытием в ближайшем будущем постоянной экспозиции, посвященной древнетюркской культуре Алтая.

Список литературы

- Алтай:** Путеводитель. – Париж; Люксембург; М.: Авангард, 1999. – 224 с.
- Вадецкая Э.Б.** Древние идолы Енисея. – Л.: Наука, 1967. – 80 с.
- Вадецкая Э.Б.** Изваяния окуневской культуры // Памятники окуневской культуры. – Л.: Наука, 1980. – С. 140 – 144.
- Вайнштейн С.И.** История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 220 с.
- Викторова Л.Л.** Монголы: Происхождение народа и истоки культуры. – М.: Наука, 1980. – 224 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: АН МНР, 1981. – 254 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – М.: Научн. мир, 2002. – 248 с.
- Войтов В.Е.** Древнетюркские памятники на Хануе // СА. – 1986. – № 4. – С. 74 – 89.
- Галданова Г.Р., Жуковская Н.Л., Очирова Г.Н.** Культ Даян-Дерхэ в Монголии и Бурятии // Традиционные верования и быт народов Сибири (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 52 – 64.
- Грач А.Д.** Каменные изваяния Западной Тувы (к вопросу о погребальном ритуале тугю) // Сб. МАЭ. – Т. 16. – 1955. – С. 401 – 431.
- Грач А.Д.** Древнетюркские изваяния Тувы. – М.: Наука, 1961. – 94 с.
- Дьяконова В.П.** Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. – Л.: Наука, 1975. – 164 с.
- Дэвлет М.А.** Петроглифы на дне саянского моря (гора Алды-Мозага). – М.: Памятники исторической мысли, 1998. – 288 с.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – № 24. – С. 72 – 120.
- Иванов С.В.** Скульптура алтайцев, хакасов и сибирских татар. – Л.: Наука, 1979. – 194 с.
- Казакевич В.А.** Намогильные статуи в Дариганге. Поездка в Даригангу. – Л.: АН СССР, 1930. – 64 с.
- Кенин-Лопсан М.Б.** Обрядовая практика и фольклор тувинского шаманства. – Новосибирск: Наука, 1987. – 164 с.
- Килуновская М.Е., Семенов Вл.А.** Оленные камни Тувы // Археол. вести. – 1998. – № 5. – С. 143 – 154.
- Ковалев А.А.** Каменные изваяния Черного Иртыша (еще раз о джунгарской прародине скифов) // Скифы, каза-ры, славяне и древняя Русь. – СПб.: Гос. Эрмитаж, 1998. – С. 24 – 29.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая: Оленные камни. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.
- Кубарев В.Д.** Чашечные камни Алтая // Материалы по археологии Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 1986. – С. 68 – 80.
- Кубарев В.Д.** Древние росписи Каракола. – Новосибирск: Наука, 1988. – 173 с.
- Кубарев В.Д.** Изваяние с реки Хара-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. – С. 158 – 162.
- Кубарев В.Д.** Каменные изваяния Алтая: Краткий каталог. – Горно-Алтайск: Ак-Чечек, 1997. – 184 с.
- Кубарев В.Д.** “Мифические” чашечные камни Алтая и их аналогии в древних культурах Евразии // Сохранение и изучение культурного наследия Алтая. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. – С. 104 – 108.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д.** Новые каменные изваяния Алтая // Изв. лаб. археологии. – Горно-Алтайск, 1995. – № 1. – С. 149 – 163.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д.** Terra inkognita в центре Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 48 – 56.
- Кубарев В.Д., Цэвэндорж Д.** Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1. – С. 76 – 95.
- Кубарев Г.В., Оцука К., Масумото Т., Маточкин Е.П., Кубарев В.Д.** Исследования Чуйского отряда на Алтае // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 357 – 360.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 212 с.
- Кызласов Л.Р.** Древняя Тува. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 208 с.
- Кызласов Л.Р.** Древнейшая Хакасия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 296 с.
- Ларичев В.И.** Азия далекая и таинственная. – Новосибирск: Наука, 1968. – 292 с.
- Леус П.М.** О традиции почитания древнетюркских каменных изваяний в Туве // Святотилища: Археология ритуала и вопросы семантики. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2000. – С. 225 – 229.
- Маргулан А.Х.** Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1979. – 360 с.
- Марсadolов Л.С.** Археологическая разведка в Улаганском районе Горного Алтая в 1980 году // Древние памятники культуры на территории СССР. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1991. – С. 49 – 59.
- Маточкин Е.П.** Современные изваяния алтайских чабанов // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. ун-та, 2001. – № 7. – С. 159 – 166.
- Могильников В.А.** Два оленных камня с Алтая // КСИА. – 1980. – Вып. 162. – С. 68 – 72.
- Молодин В.И., Погожева А.П.** Плита из Озерного (Горный Алтай) // СА. – 1989. – № 1. – С. 167 – 177.
- Окладников А.П.** Оленный камень с р. Иволги // СА. – 1954. – Т. 19. – С. 215 – 216.
- Потанин Г.Н.** Очерки Северо-Западной Монголии. – СПб.: Б.и., 1881. – Вып. 2. – 90 с.
- Потапов Л.П.** Материалы по этнографии тувинцев Монгун-Тайги и Кара-Холя // Тр. ТКАЭЭ. – М.; Л., 1960. – Т. 1. – С. 171 – 231.

Савинов Д.Г. Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1994. – 209 с.

Суразаков А.С. Исследования в местности Котыр-Тас // Алтайка. – 1993. – № 2. – С. 50 – 51.

Тоцакова Е.М. Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). – Новосибирск: Наука, 1978. – 158 с.

Цэвээндорж Д., Кубарев Г.В. Новые древнетюркские изваяния Монгольского Алтая // Обзорение 1994 – 1996 гг. – Новосибирск: Изд-во ИАЭт СО РАН, 2000. – С. 199 – 200.

Членова Н.Л. Об оленных камнях Монголии и Сибири // Монгольский археологический сборник. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 27 – 35.

Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1981. – 184 с.

Байэр Д. Монгол Сокинсаны ёнгу (Изучение каменных изваяний монголов). – Сеул: Хеан, 1994. – 234 с. (на кор. яз.).

Баяр Д. Монголын тов нутаг дахь түрэгийн хун чулуу (Древнетюркские изваяния Центральной Монголии). – Улаанбаатар: АДМОН, 1997. – 148 с. (на монг. яз.).

Баяр Д., Эрдэнэбаатар Д. Монгол Алтайн хун чулуун хошоо (Каменные изваяния Монгольского Алтая). – Улаанбаатар: Монгол улс Шинжлэх Ухааны Академи Туухийн Хурээлэн, 1999. – 166 с. (на монг. яз.).

Монгол нутаг дахь туух соёлын дурсгал. Сэдэвчилсэн лавлах (Историко-культурные памятники Монголии). – Улаанбаатар: Gamma, 1999. – 286 с. (на монг. яз.).

Материал поступил в редколлегию 18.09.03 г.